

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИЙ
СБОРНИК

III

ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ
СТРАН ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1979

К ВОПРОСУ О РАБСТВЕ В ЭЛАМЕ

Вопрос о рабстве является одной из важных узловых социально-экономических проблем не только для истории Элама, но и всего древневосточного общества. Детальное исследование письменных источников на основании определенной научной методики и исторического материализма может привести к решению вопросов, связанных с возникновением и развитием института рабства. Научная методика выявления элементов рабства должна опираться прежде всего на прямые данные, извлекаемые из письменных источников, а затем и на косвенные данные, подчиненные в конечном итоге прямым сведениям. В том и другом случае главное внимание должно быть направлено на установление социально-экономических элементов, указывающих на подлинное рабство.

Сведения о рабстве дают как прямые, так и косвенные данные. Иногда из-за неполноты письменных источников наблюдается злоупотребление косвенными сведениями, в результате чего к разряду рабов причисляются люди, социально-экономическое состояние которых ясно не вырисовывается из источников. Более того, к числу рабов или низведенных до состояния рабов, как правило, относили свободных общинников, членов домашней общины, кабальных должников и бедный люд, хотя все названные категории людей были полноправными в социальном смысле членами древнего общества, труд которых, несомненно, подвергался эксплуатации. В этом аспекте использование косвенных данных для выявления различных проявлений рабства чаще создает путаницу, нежели более или менее убедительную картину об институте рабства. Поэтому использование косвенных данных вне зависимости от прямых сведений или вне подчинения последним порождает научные разногласия, причем весьма существенные, порой доходящие до отрицания рабовладельческого характера первичной классовой общественно-экономической формации¹.

¹ См., например, материалы сборника «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока», М., 1966, стр. 3—246.

Однако участники дискуссии об общественно-экономических формациях древних обществ, отрицающие рабовладельческий их характер, нередко оперировали устаревшими концепциями и воздерживались от конкретного анализа первоисточников. Вместе с тем они не в полной мере учитывали и научные выводы К. Маркса и Ф. Энгельса о рабстве в древних обществах, выводы, которые были сделаны на основании наличного в то время фактического материала и которые являются универсальными. Установив объективные закономерности исторического процесса, классики марксизма-ленинизма пришли к выводу, что рабовладение в этом процессе составляло определенную формацию. В разработке института рабства древних обществ труды классиков марксизма-ленинизма дают весьма цельное методологическое направление.

Говоря о возникновении государства, Ф. Энгельс подчеркивал, что «в древности оно было государством рабовладельцев»². В. И. Ленин первые социально-экономические формации сформулировал следующим образом: «Развитие всех человеческих обществ в течение тысячелетий во всех без изъятия странах показывает нам общую закономерность, правильность, последовательность этого развития таким образом, что вначале мы имеем общество без классов — первоначальное патриархальное, первобытное общество, в котором не было аристократов; затем — общество, основанное на рабстве, общество рабовладельческое»³. Таким образом, характерную особенность первичной классовой общественно-экономической формации составляет рабство. Оно очень рано появляется в домашней общине или семье, где для работы в хозяйстве требовалась дополнительная рабочая сила, труд рабов. Раб становился собственностью всей домашней общины. К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что «рабство в семье — правда, еще очень примитивное и скрытое — есть первая собственность»⁴. Вместе с тем они указывали на причины, вызвавшие дальнейшее развитие рабства: «Рабство, в скрытом виде существующее в семье, развивается лишь постепенно, вместе с ростом населения и потребностей и с расширением внешних сношений — как в виде войны, так и в виде меновой торговли»⁵.

Экономическое развитие домашних общин на раннем этапе классового общества шло по пути использования труда рабов.

---

² Ф. Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке.— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 19, стр. 224 (далее работы К. Маркса и Ф. Энгельса цитируются по указанному изданию).

³ В. И. Ленин, О государстве,— Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 70.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология,— т. 3, стр. 31.

⁵ Там же, стр. 20.

Появление рабства Ф. Энгельс связывал с первым общественным разделением труда, когда «появилась потребность в привлечении новой рабочей силы. Война доставляла ее: военнопленных стали обращать в рабов»⁶. Постепенное повышение производительности труда и расширение производственной деятельности человека влекли за собой рабство. Рабство, появившееся после первого общественного разделения труда, носило случайный характер. Лишь после второго крупного общественного разделения труда, когда, как отмечал Ф. Энгельс, «непрерывающийся рост производства, а вместе с ним и производительности труда, повышал ценность рабочей силы человека, рабство, на предыдущей ступени развития только возникавшее и носившее спорадический характер, становится... существенной составной частью общественной системы»⁷.

Таким образом, первые общественные разделения труда вызвали к жизни и развивали порабощение и эксплуатацию чужого, т. е. рабского, труда. Этот вывод применим ко всем древневосточным обществам, где имели место упомянутые общественные разделения труда. Рабство возникало не в виде роскоши; оно было продуктом экономической потребности. В этом состоял экономический механизм первичной классово-общественно-экономической формации. Поэтому рабство в более или менее развитом виде имело у всех народов древности, т. е. оно было повсеместным явлением. В связи с этим К. Маркс подчеркивал, что «рабство — это экономическая категория огромного значения», «рабство, именно вследствие того, что оно является экономической категорией, встречается с сотворения мира у всех народов»⁸.

В первичной классово-общественно-экономической формации более или менее крупный землевладелец — глава зажиточной домашней общины стремился располагать чужим трудом. Потеряв право располагать своим трудом, индивид становился рабом, следовательно, терял прежний свой экономический и социальный статус свободного человека. Ф. Энгельс писал, что «раб считается вещью, а не членом гражданского общества» и что «каждый отдельный раб является собственностью *определенного* господина»⁹. Поэтому главным критерием, определяющим социальное положение индивида, должно быть отношение его к труду. Лишившись права располагать своим трудом, индивид превращался юридически и фактически в бесправного человека, т. е. в раба. Ф. Энгельс отмечал, что «обогащение со-

⁶ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, — т. 21, стр. 161.

⁷ Там же, стр. 163.

⁸ Маркс — Павлу Васильевичу Анненкову, — т. 27, стр. 408.

⁹ Ф. Энгельс, Принципы коммунизма, — т. 4, стр. 325.

временных капиталистов не в меньшей степени, чем это было у рабовладельцев или эксплуатировавших крепостной труд феодалов, происходит посредством присвоения чужого неоплаченного труда и что все эти формы эксплуатации отличаются друг от друга лишь тем способом, каким этот неоплаченный труд присваивается»¹⁰. Труд рабов присваивался безвозмездно, поскольку раб был придатком господского хозяйства. К. Маркс подчеркивал, что «раб вместе со своим трудом раз и навсегда продан своему господину. Он — товар, который может переходить из рук одного собственника в руки другого»¹¹.

Таким образом, классики марксизма-ленинизма не сомневались в том, что неотъемлемой особенностью первичной классовой общественно-экономической формации было рабство, основанное на лишении индивида права располагать своим трудом, иначе говоря, на порабощении личности производителя. Процесс порабощения личности производителя и вместе с тем лишения его права располагать своим трудом в отдельных древних обществах мог быть замедленным или стремительным в зависимости от ряда экономических причин, например от степени развития производства, товарообмена, торговли, а также внешнеполитических причин, например от удачных войн, расширения политической гегемонии того или иного государства, что обеспечивало соответствующую страну безвозмездной рабочей силой. Поэтому в одних древних обществах наблюдался быстрый рост рабовладения, а в других существовал замедленный темп развития рабства. Однако в тех и других случаях существовали такие экономические условия, которые в определенный момент с расширением производства приводили к использованию безвозмездного, неоплаченного труда, т. е. рабского труда. Исходя из сказанного надо отметить, что все древние общества в зависимости от экономического уровня испытали более или менее развитое рабовладение.

Элам был одним из экономически развитых древневосточных государств с двух с половиной тысячелетней историей. В социально-экономическом аспекте классовая структура Элама не имела принципиальных отличий от классовой структуры других древневосточных обществ. Исследование эламских документов в свое время позволило социальный состав населения Элама делить на три категории — на свободных, зависимых и рабов¹². Тогда изучение рабства в Эламе носило предварительный характер. Вопрос о рабстве в домашней общине Элама, да и дру-

¹⁰ Ф. Энгельс, Карл Маркс, — т. 19, стр. 115.

¹¹ К. Маркс, Наемный труд и капитал, — т. 6, стр. 433.

¹² Ю. Б. Юсифов, Эламские хозяйственные документы из Суз, — ВДИ, 1963, № 2, стр. 191—222; его же, Элам. Социально-экономическая история, М., 1968.

гих древневосточных обществ, не был объектом специального исследования, хотя именно домашние общины являлись такой экономической и хозяйственной единицей общества, в которых рабство и рабовладение развивались более или менее стабильно и в чистой форме. Домашние общины были самостоятельными и экономически не зависели ни от государства, ни от храмов, ни от сельской общины.

Начиная изложение с данных косвенного характера, надо отметить, что население Элама первой половины II тысячелетия до н. э. имело определенное представление о бесправном и низком, конкретно, рабском социальном положении вообще. Отсюда и образовалось понятие состояния «рабской» подчиненности одного лица другому в переносном смысле. Понятие о такой «рабской» подчиненности или зависимости являлось продуктом реально существовавших социально-экономических отношений. Будучи отражением экономической жизни, эти понятия уже существовали среди населения Элама, а также Двуречья и Нузи, судя по косвенным данным, до II тысячелетия до н. э. Понятие состояния формальной, а не подлинной, рабской подчиненности косвенно отразилось в хозяйственных документах и именах собственных, относящихся к первой половине II тысячелетия до н. э. В именах собственных и хозяйственных документах для выражения формальной, неэкономической «рабской» подчиненности, например, от божества или правителя, применялся термин, который в определенных экономических условиях обозначал непосредственно рабов.

В частноправовых документах Элама, а также Двуречья и Нузи имеются имена собственные, содержащие термин *wardu*, который обозначает рабов. Например, имена Варад-Син¹³, Варад-Амурру, Варад-Куби, Варад-Искан, Варад-Иштар показывают, что понятие рабской зависимости от того или иного божества не было чуждо идеологии эламитян. Еще раз отметим, что такое понятие, несомненно, явилось реальным отражением существовавших социальных и экономических отношений.

¹³ В эламских собственных именах часто встречается слово *kuk*, значение которого точно не известно. Оно засвидетельствовано как составная часть имени также в документах из Нузи в форме Кук-Син (L. Oppenheim, Studien zu den nichtsemitischen Nuzi-Namen, — AIO, Bd 12, N. 1/2, 1937, стр. 34), которую можно сопоставить с именем Варад-Син. Исходя из этого можно полагать, что слово «кук», которое фигурирует в таких эламских именах, как Кук-Хумпан, Кук-Санит, Кук-Кирваш, Кук-Пинегир, Кук-Наххунте, Кук-Нашур, и предшествует именам божеств, имеет значение «раб». Если учесть, что в касситском языке слово *kukla* имеет значение «рабыня», то возможно, что и слово *kuk* также касситского происхождения (K. Balkan, Kassitenstudien, New Haven, 1954, стр. 4). Слово «кук» встречается в аккадизированном имени *Ku-uk ili šà Nergal* «Раб? бога Нергала» (MDP, 28, 1939, № 54).

По-видимому, в дальнейшем с развитием государственной власти понятие формальной «рабской» подчиненности божеству стало олицетворять «рабскую» зависимость от верховного правителя. Подобная формальная и неэкономическая рабская зависимость от правителя характерна для древневосточных обществ всех периодов. В ряде документов, происходящих из Элама, отдельные частные лица, являвшиеся крупными собственниками, обозначены термином *wardu*. Этими собственниками являются Синимгуранни, Нур-Иншушинак, Кудур-Хумпан, над имуществом которых устанавливается царский иммунитет. Например, ^mSi-ir-tuh šar (LUGAL) Šu-šī... a-na Nu-úr ¹¹Inšušinak wardi(ERE)-šu i-nu-un-ma «Сиртух (Ширукдух II), царь Суз, рабу своему оказал милость»¹⁴. Аналогичная фраза имеется и в других иммунитетных документах¹⁵. Термин *wardu* в подобных контекстах не обозначает раба, а выражает отношение служебной и формальной рабской зависимости подданного от царя вообще и имеет переносное значение¹⁶. Эти лица являются полноправными и свободными людьми, владеющими средствами производства, объектами производства и рабами. Выражение посредством термина, обозначающего раба, формальной рабской зависимости от верховного правителя (где сама эта зависимость не имела никаких экономических, юридических и социальных последствий) также является продуктом социально-экономического состояния общества, где использовался подлинно рабский труд. Если бы в данном обществе не было рабов и подлинно рабской подчиненности, то понятие о «рабе» божества или правителя не отразилось бы ни в эламской ономастике, ни в отношениях между подданными и царем. Таким образом, рассмотренные два косвенных факта позволяют говорить о применении труда рабов в эламском обществе первой половины II тысячелетия до н. э.

Следующий косвенный фактор касается движимой и недвижимой собственности домашней общины. В документах часто речь идет о дарениях и разделе имущества домашней общины, при этом применяются слова и выражения, обозначающие как конкретную, так и неконкретную собственность. Для наглядности можно привести соответствующий отрывок из документа № 14 (MDP, 22,1930), в котором представлен ряд интересующих нас слов и выражений: *makkūr(NÍG.GA) āl^{ki}(URU^{ki})-šu-nu ū šēr^{ki}(EDIN^{ki})-šu-nu [alpē](GUN)-šu-nu šēnē(UDU.U.)-šu-nu [lu-ru-un]-šu-nu ū ma-aš-ra-šu-nu [ma-na-ah] i-di-šu-nu [še-am] ka-*

¹⁴ MDP, 23, 1932, № 284:4.

¹⁵ Там же, № 282:4, 283:4, 289:1.

¹⁶ Ю. Б. Юсифов, Термины для рабов в Эламе, Мидии и Персии середины I тысячелетия до н. э., — ВДИ, 1961, № 4, стр. 46—49.

šam (KÙ.BABBAR) hurāšam (KÙ.GI) bu-šu makkura [mi-im-ma] šā ili (DINGIR) a-na a-wi-lu-ti [a-na ra]-še-e id-di-nu [zi-zu-ù]¹⁷.

«Имущество поселения их и поля их, крупный и мелкий скот их, бедность свою и богатство свое, труды своих рук, ячмень, серебро, золото, владения, собственность, все, что бог человечеству во владение дал, разделили». В этом отрывке наряду с конкретными обозначениями делимого имущества, которое было общей собственностью распадающейся домашней общины, содержатся отвлеченные понятия, которые, несомненно, подразумевали те или иные виды движимого и недвижимого имущества.

Прежде всего остановимся на слове makkūgim, которое имеет значение «собственность, имущество». Поскольку после этого выражения следуют конкретные названия имущества, то надо полагать, что в состав makkūgim входила движимая собственность, состоящая из крупного и мелкого рогатого скота. Однако в ряде случаев после аналогичного выражения перечисляются поле, дом и сад¹⁸, что позволяет считать, что makkūgim включает в себя и недвижимую собственность.

Выражение lupin-šuni u mašga-šuni «бедность свою и богатство свое» часто встречается в документах раздела¹⁹ и включает в себя, вероятно, всякое имущество домашней общины. После выражения tapah idi-šuni «труд их руки»²⁰ в тексте перечисляются ячмень, серебро, золото, что позволяет заключить, что приведенное выражение имело в виду трудовой доход домашней общины, состоящий из движимой собственности. Аналогичное понятие об имуществе содержится в выражении mīmta ša išu u igāššu «все, что он имеет и чем владеет»²¹. И в данном случае отсутствует конкретное указание на состав имущества. Надо полагать, что данное выражение включало в себя понятия как о движимости, так и о недвижимости домашней общины²². С содержанием рассмотренной фразы корреспондируется выражение mīmta ša ili ana awilūti ana gaše iddinu²³ «все, что бог человечеству во владение дал». Подобные выражения также относились ко всем видам собственности домашней общины.

¹⁷ Пробелы восстановлены на основании других аналогичных документов.

¹⁸ MDP, 22, № 11, 12, где перечислены eqlam (A. SA) E. DU. A u i¹⁸skirām (GISKIRI₆) «поле, дом и сад».

¹⁹ MDP, 22, № 6, 11—15; MDP, 23, № 172; MDP, 24, 1933, № 335—337.

²⁰ MDP, 22, № 11—14, 160; MDP, 24, № 379.

²¹ MDP, 24, № 379.

²² Судя по документу № 345 (MDP, 24), где после фразы «все, что он имеет и чем владеет» названы конкретные виды имущества, надо думать, что это выражение подразумевало движимую и недвижимую собственность в поселении и на поле.

²³ См. также MDP, 22, № 11, 12; MDP, 23, № 168.

Слово *bāšum* «имущество, владение» дано в приведенном тексте в сочетании с *takkūgum*²⁴ и является обозначением собственности. Но это слово фигурирует и в сочетании со словом *bāšūtum* «владение, собственность», например, *bi-ša ū ba-a-šī-ta*²⁵. Эти слова образованы от глагола *bāšū* «быть, существовать, наличествовать»²⁶. Поэтому выражение в целом подразумевает наличное к моменту составления документа имущество, которое могло состоять из всех видов собственности домашней общины. Почти под любую категорию обозначения собственности домашней общины попадает и раб.

Собственность домашней общины в конечном итоге становилась объектом раздела между ее членами, поскольку последние, независимо от того, были ли они совершеннолетними или несовершеннолетними, супругами или дочерьми, применяли в общине коллективный труд и создавали коллективную собственность. Пока домашняя община существовала как коллективная экономическая единица, все члены общины сообща пользовались созданными материальными благами, а в случае распада домашней общины каждый ее член получал допустимую существующим правом соответствующую наследственную долю. Все действия главы семьи по отношению к своим детям и супруге были подчинены существовавшим правовым нормам, которые предусматривали для членов домашней общины определенные права на движимость и недвижимость. В силу этого членов домашней общины никак невозможно принять за рабов главы семьи. В лучшем случае в домашних общинах могла существовать формальная, а не подлинная рабская подчиненность членов семьи главе домашней общины по аналогии с состоянием зависимости подданных от божества или правителя. Однако подобная подчиненность не имела никаких социальных последствий.

В документах раздела раб или рабыня ни разу не упоминаются. Понятно, что они не могли претендовать на имущество домашней общины, ибо они сами являлись объектом собственности. Именно потому, что раб и рабыня были собственностью общины, они при разделе имущества, надо полагать, попадали в ту или иную категорию обозначения собственности. Этот косвенный вывод подтверждается тем, что эламские документы прямо свидетельствуют о наличии рабов в домашней общине.

Так, в частично фрагментарном документе семейного дарения²⁷ упоминается термин *wardu* «раб»: ... *1 wardum* (ERĒ) [...] ¹¹*Sin-ra-[bi] a-na Nu-úr-[...] i-di-in a-di ba-la-[tí-šà] ta-kà-al-*

²⁴ См. также MDP, 22, № 20.

²⁵ MDP, 23, № 168. Ср. MDP, 22, № 3; MDP, 23, № 286.

²⁶ ANw, Bd I, стр. 111, 112—114.

²⁷ MDP, 28, 1939, № 402; Ю. Б. Юсифов, Элам, стр. 146.

[ma] wa-[ar-ki-šà] 3 [ap-lu-šà] i-ra-aš-šu-ú ap-lu-um šà la i-pa-la-[ah]-ší-ma i-па É.DU.A ú-ul šu-[hu-uz] «Одного раба [...] Синраби Нур [...] отдал. Пока жива, будет пользоваться, [и затем] после нее] 3 [ее сына-наследника] завладеют. Сын-наследник, который не окажет ей почтения, на дом не имеет пр[ав]». Как можно убедиться из текста, *wagdu* перечисляется в составе имущества и передается по наследству. В этом тексте раб упоминается постольку, поскольку конкретно речь идет о его передаче. Видимо, поэтому в других документах рабы не упоминались, поскольку они относились к разряду собственности домашней общины. В конце текста, когда говорится о праве наследника на переданное матери имущество, упоминается лишь É.DU.A «дом». Отсюда вытекает, что É.DU.A включало в себя понятие домашнего производственного комплекса, состоящего также из рабов. И это нам дает основание предполагать, что в документах рабы подразумевались и в составе É.DU.A, поскольку они считались частью движимой собственности. Этим можно объяснить внешнюю «молчаливость» эламских документов о наличии рабов в составе домашней общины, тогда как они имелись в государственном и храмовом хозяйствах.

Наличие рабов в домашних общинах с исключительной достоверностью подтверждается и эламским законом о наследстве, сохранившемся в отрывке²⁸. Соответствующая часть текста гласит: *šum-ma mārat(DUMU.MI) Su-ší a-hi-iz É.DU.A šà war-dim(ERÈ) ú-ul i-le-eq-qè* «Если он (человек) женится на дочери (гражданке) Суз, то дом раба он не может взять». Отметим, что все, кто занимался этим документом, не сомневались в том, что в этом отрывке речь идет о доме раба²⁹. Основной смысл текста Сузского закона заключается в том, что, выходя замуж, дочь не имела права на долю, состоящую из рабов. Закон предусматривает, что рабы должны остаться в домашней общине.

²⁸ MDP, 24, № 395; G. R. Driver and J. C. Miles, *The Babylonian Laws*, II, Oxford, 1955, стр. 317; Ю. Б. Юсифов, Общие черты наследования в гражданской и правовой семьях Элама, — *Acta antiqua Academiae scientiarum hungaricae*, t. XV, fasc. 1—4, 1967, стр. 248—252; его же, Элам, стр. 165 и сл.

²⁹ G. R. Driver and J. C. Miles, *The Babylonian Laws*, II, стр. 314; J. Klíma, *Le droit élamite au II-me millénaire av.n.e. et sa position envers le droit babylonien*, — *Ar.Or.*, 31, 1963, стр. 295; Ю. Б. Юсифов, Элам, стр. 165 и сл. Скептическое отношение В. А. Якобсона к ясно читаемым строкам Сузского закона о наследовании неосновательно. Он в своей рецензии писал: «Автор останавливается на встречающемся в этом тексте термине É.DU.A šà ERÈ, т. е. «дом раба» (?), и пытается интерпретировать его, привлекая вавилонский документ № 183 из издания М. Шорра» (ВДИ, 1972, № 4, стр. 141). Однако В. А. Якобсон почему-то не заметил, что эламский термин был использован автором для восстановления чтения соответствующего вавилонского выражения (см. прим. 30), о чем в книге (Ю. Б. Юсифов, Элам, стр. 167) отмечалось: «подобное чтение подтверждается приведенным выше отрывком эламского закона».

Дочь не могла взять в дом супруга и рабынь, что засвидетельствовано для Месопотамии старовавилонского периода³⁰. Большинство домашних общин, судя по Сузскому закону, упоминавшему о доме раба, использовало труд рабов. Фактически домашние общины являлись потенциальными рабовладельцами, которые в определенных экономических условиях присоединяли к своему хозяйству дополнительную рабскую рабочую силу. Вместе с тем Сузский закон позволяет предполагать, что рабы имели свой дом и, вероятно, семью в пределах домашней общины. Весь этот рабский комплекс считался собственностью домашней общины, поэтому закон ограничивал права уходящей из дому дочери по отношению к семье или дому раба.

Таким образом, термином *wardu* обозначали и домашних рабов. Наряду с этим для обозначения рабов домашней общины, видимо, применялся и термин *ṣuhāgu*, который в аккадском языке буквально значил «ребенок, отрок». Примечательно, что и собственно эламское слово *ruhi*, и древнегреческое слово *παῖς*, первоначально имевшие значение «дитя, ребенок», с течением времени превратились в термины, обозначающие рабов³¹. Этим термином первоначально, видимо, обозначали юных рабов.

Законы Хаммурапи, которые синхронны с эламскими частноправовыми документами, показывают, что *ṣuhāgu* по своему социальному и экономическому положению были рабами, в частности, рабами домашних общин. Аналогичное социальное положение для *ṣuhāgu* устанавливается на основании названных эламских документов.

Социальное положение *ṣuhāgu* ясно вырисовывается из документа № 282 (MDP, 23): *ma-am-ma-an...iṣepinna (GIŠAPIN)-šu ú-ul iṣ-ša-ba-at ṣú-ha-rú-šu ú-ul ús-sa-am-ba immēri (UDU.NI-TA) ṣà-am-mi-šu ú-ul iṣ-ša-ab-ba-at* «Никто... плуг его не может взять, рабов-отроков его не может увести, баранов его травы не может взять». Эти сведения зафиксированы в официальном царском иммунитетном документе об имуществе зажиточного землевладельца. В этом документе *ṣuhāgu* перечисляются вместе с орудиями труда и скотом. И это обстоятельство позволя-

³⁰ Ср. Ю. Б. Юсифов, Элам, стр. 167—169; соответствующее место из старовавилонского документа № 183 вместо *bit amtim* «дом рабыни» надо читать, как уточнил Э. Солберже, *qá-t[ī] m[u]-ti-ša* «руку своего мужа» (F. R. Kraus, *Von Altmesopotamischen Erbrecht*, — «*Studia et Documenta ad Iura Orientis Antiqui pertinentia*», vol. IX, Leiden, 1969, стр. 15, прим. 89), на что указал и В. А. Якобсон (ВДИ, 1972, № 4, стр. 141). Вавилонский документ и с уточненным чтением показывает, что, войдя в дом супруга, вавилонянка дом и наследство, включающее и рабыню, оставляла братьям.

³¹ См. Я. А. Ленцман, О древнегреческих терминах, обозначающих рабов, — ВДИ, 1951, № 2, стр. 51; Ю. Б. Юсифов, Термины для рабов в Мидии, Эламе и Персии, стр. 46; В. О. Тюрин, Социальное положение *kuṭaš* по документам из «скровищницы» Персеполя, — ВДИ, 1951, № 3, стр. 35.

ет считать, что *ṣuhāgi* мыслились как движимая собственность и представляли собой экономическую категорию. Именно в силу этого *ṣuhāgi* считались собственностью своих господ и, по выражению Ф. Энгельса, были «людским скотом»³². Из приведенного отрывка вытекает, что *ṣuhāgi*, несомненно, были рабами и выполняли работу в хозяйстве частных лиц, т. е. домашних общин.

Раб, будучи экономической категорией, являлся источником дохода. Его личностью, следовательно и трудом, располагал хозяин, который мог использовать раба в своем хозяйстве или отдать внаем. И в последнем случае результаты труда раба принадлежали хозяину. В одном из документов³³ отмечается выдача серебра, в том числе и рабам: 2 *šiqlēn šu-ha-gu-ú šà mKu-uk-¹¹Pi-ne-gi-ir šà In-bi-i-li-šu ip-qi-da-an-ni* «2 сикля рабы-отроки Кук-Пинегира (получили), которых Инбилишу передал мне». По-видимому, рабы Кук-Пинегира были отданы на сторону для выполнения определенных хозяйственных работ, за что они в виде оплаты своего труда получили серебро. Поскольку рабы не владели плодами своего труда, то плата за их труд, естественно, принадлежала хозяину, а не рабам. Отметим, что документы о Кук-Пинегире более ничего не сообщают. И это подтверждает наше мнение о том, что внешняя «молчаливость» документов в отношении использования рабского труда в домашних общинах создает неверное и искаженное представление о подлинном характере существующей социально-экономической системы. Этот и нижеприведенные факты показывают, что в домашних общинах рабы имелись, а документы о них без надобности не сообщали. Рабский труд оплачивался и натурой. Так, в документе № 538 (MDP, 28) отмечена выдача рабу-отроку натуральных продуктов: 1 (qa) *šamnum (Ī. GIŠ)* 20 (qa) *še'um (ŠE) šu-ha-gu-um šà tamkari (DAM.QAR)* «1 (ка) сезама, 20 (ка) ячменя раб-отрок торговца (получил)». И в этом случае раб *ṣuhāgi* является собственностью частного лица, а именно торговца, и получает продукты.

Приведенные примеры показывают, что рабы — *ṣuhāgi* являлись принадлежностью определенного собственника и их трудовая деятельность на стороне была направлена на создание материальных ценностей для хозяина, главы домашней общины.

Раб не имел права на самостоятельную общественную деятельность. Правда, в одном из документов³⁴ рабы — *ṣuhāgi* зарегистрированы в качестве свидетелей. Это пока единственный случай для Элама, когда рабы выступают как свидетели. В до-

³² Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, — т. 21, стр. 58.

³³ MDP, 23, № 310.

³⁴ MDP, 23, № 313.

кументе речь идет о том, что некая Алияту дала некоему Варад-Амурру сезам и определенную сумму серебра. Среди свидетелей названы двое ее рабов поименно: rāp Ku-ta-a-na šu-ha-gi-ša rāp Ru-ru-uš šu-ha-gi-ša «Перед Кутаной, рабом ее, перед Рупушем, рабом ее». Отсюда вытекает, что рабы — šuhāgu принадлежали женщине Алияту, которая, как собственница рабов, была главой вновь образованной домашней общины. Следовательно, в зависимости от создавшейся экономической ситуации женщина становилась собственницей и продолжательницей дел домашней общины. Об этом дают представление следующие строки того же документа: SALA-li-ya-ù-tu ù Warad-¹¹Amurri i-na bi-ti SALA-da-ri-ti [mārat] Se-ir-e-ti ni-ka-as-sí-šu-nu i-pu-šu-ma $\frac{1}{3}$ ma-na $5\frac{1}{2}$ šiqil kaspam ù 2 gur šamaššammam ša Warad-¹¹Amurri i-na qa-tiSALA-li-ya-ù-ti li-qu-ma «Алияту и Варад-Амурру в доме Адарити, дочери Шеирети, расчет свой сделали, и затем $\frac{1}{3}$ мины и $5\frac{1}{2}$ сиклей серебра и 2 гур сезама Варад-Амурру от Алияту взял». При этом среди 15 свидетелей упоминаются не только рабы ее, но и rāp Ki-si-ya ik-ka-gi-ša «перед Кисня, ее иккари». Слово ikkaḡi обычно переводят «земледелец»³⁵. Однако из контекста видно, что он принадлежал женщине Алияту. Возможно, что лица, обозначенные термином ikkaḡi, были рабами, труд которых применялся непосредственно в земледелии. Во всяком случае женщина была главой более или менее зажиточной домашней общины, в которой документально устанавливается несколько рабов. Участие рабов в качестве свидетелей в процессе денежного и продовольственного расчета с Варад-Амурру, который имел, видимо, какие-то имущественные претензии к дому Алияту, происходило по желанию их госпожи. В противном случае подобное право для рабов не могло возникнуть. Таким образом, в первой половине второго тысячелетия до н. э. в домашних общинах Элама применялся труд рабов. Видимо, рабство в домашней общине появилось гораздо раньше, чем это засвидетельствовано в письменных источниках. Однако для III тысячелетия до н. э. подобные письменные источники отсутствуют, хотя теоретически рабство существовало и тогда. Будучи консервативными, домашние общины традицию применения рабского труда сохраняли дольше. В связи с экономическим развитием общества в домашних общинах наряду с расширением применения труда рабов происходил процесс обогащения. Вышеприведенные, внешне скудные, но важные данные показывают, что в домашних общинах Элама рабство существовало в более или менее развитом виде, а само эламское общество уже в этот ранний период находилось на рабовладельческой общественно-экономической стадии развития.

³⁵ ANw, Bd I, стр. 368.